

Онтогенетическое свойство лица, категорируемое в эгоцентрическое аффективное лицо

Тариева Л.У., д.ф.н., доцент
Ингушский госуниверситет, г. Магас, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается онтогенетическое свойство лица, настолько релевантное для речедеятеля, что оно категорируется в грамматическую категорию лица, раслоенно представленную в эргативном нахском языке в отличие от номинативных языков, обладающих однозначной функцией лица (лицо говорящее, выраженное местоимением первого лица ед. числа в номинативной форме имени). Аффективное свойство лица тесно связано с речевым признаком лица. Категоризация речевого и аффективного свойств лица происходит в одном акте речедеяния, что обуславливает шифтерность в процессе категоризации эгоцентрической функции лица в эргативных языках. Аффективные компоненты парадигмы лица нахских языков введены в общую теорию языковой личности автором статьи, поэтому возможны избыточные ссылки на соответствующие работы автора.

Ключевые слова: онтогенетический, аффективный, речевой, фрейм каузации, эргативный, номинативный, парадигма лица.

Ontogenetic feature of affective persons of the paradigm, categorized in the egocentric person

Annotation. The article considers the ontogenetic feature of a person which is so relevant to the speaker, that it is categorized into the grammatical category of a person. This category presented in ergative Nakh language separately, in contrast to the nominative languages with a unique function of the face (talking face, expressed by the first person pronoun in the nominative form of the name). The affective property of the face is closely related to the speech sign of the person. The categorization of the speech and affective properties of the person occurs in a single act of speech, which determines the separation in the process of categorizing the egocentric function of the prson in the ergative languages. The affective components of the paradigm of the person of the Nakh languages are introduced into the general theory of linguistic identity by the author of the article, therefore redundant references to these works are possible.

Keywords: ontogenetic, affective, speech, causation frame, ergative, nominative, person paradigm.

DOI: 10.5281/zenodo.3271176

Для нахских языков свойственна четырехкомпонентная парадигма лица, введенная в обиход лингвистического исследования, как эгоцентрическая [7]. Парадигма лица эргативных языков представляет собой когезию речевых и аффективных лиц.

Речевые лица парадигмы, достаточно хорошо представленные в ряде статей и монографии «Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя» [9], тесно связаны с аффективным свойством лица.

Аффективные лица парадигмы имеют непосредственное отношение к аффективным глаголам, которые были обозначены еще П.К. Усларом, А.М. Дирром [15, с. 5-15; 3, с. 56-57]. Их выделение в эргативном языке, естественно, не случайно. Аффективность нахских языков достаточно обоснованно представлена в работах М.Е. Алексеева [1], в которых внимание автора было сосредоточено, как и у А.М. Дирра, на функции глагола.

Аффективность нахского языка связана, на наш взгляд, с одной из релевантных функций лица речедеятеля, она экспонируется лицом речедеятеля как эгоцентрическое свойство и отражается не только в глагольной, но и в именной системе эргативных языков в качестве первого лица (*сона 'я'*).

Аффективные лица парадигмы (Созерцающее и Слышащее) обладают онтогенетическим свойством интенцией, которое является основанием для запуска механизма фрейма интенциональности, обнаружи-

вающего речевое лицо [7]. Интенциональность понимается нами как направленность сознания на объект, которая, согласно точке зрения Е.В. Заюковой, должна «иметь языковые средства представления, или языковую репрезентацию и в этом статусе составляет объект лингвистического описания» [4, с. 48]. В нахском ингушском языке так и происходит, аффективное свойство лица репрезентируется в языковом знаке: личном местоимении первого лица единственного числа в аффективной форме имени.

Категоризация релевантного свойства лица (аффективного) непосредственно связана с моторикой фрейма интенциональности лица Созерцающего и лица Слышащего [10; 11]

Интенциональность в нашем случае представляет собой процесс, возникающий на основе интенции онтогенетического свойства лица (например, созерцания, слышания), на наш взгляд, оформляющегося во фрейм, который может быть назван и термином гештальт восприятия, если применить терминологию Дж. Лакоффа [5, с. 360-361] к нашему пониманию рамки интенциональности.

Интенция есть дискретно охарактеризованная направленность свойства сознания из вне во вне. Аффективные компоненты парадигмы лица нахских языков (лицо Созерцающее и лицо Слышащее) обладают гетерогенной интенцией. Интенция лица Слышащего, например, перерастает в интенцио-

нальность в процессе нарастания моторики страт как составляющих этой интенции.

В процессе запуска и нарастания моторики страт интенции, на наш взгляд, генерируется интенциональность, как рамочное, блочное явление перцептивно-интеллектуального свойства. Сильной характеристикой интенциональности следует признать не только ее направленность из области субъективного мышления в объективную, но также и иллокуцию (нацеленность) сознания. Интенция аффективного лица, результирующая иллокуцией дейктична по своей природе.

От интенции интенциональность аффективного лица отличается, как нам представляется, тем, что демонстрирует собой многогранный процесс, организованный моторикой разнородных линейных страт: направленностью, нацеленностью, дейктичностью, прежде всего.

Вид дейктика, его характер зависит от онтогенетического свойства лица, осуществляющего интенцию (например, гар 'видения' или хазар 'слышания'). Неоднозначность сущностной функции аффективных лиц порождает и неоднородность дейктика (*хьажар-пурх* 'видеоуказка', *хазарпурх* 'аудиоуказка').

Онтогенетическая разнородность интенции аффективных лиц обуславливает и различные рамки интенциональности, характер которых зависит от аффективного свойства лица (Созерцания vs. Слышания). В зависимости от характера интенции аффективного лица запускается гетерогенный механизм. Неоднозначность интенции как направленности, как выхода онтогенетического свойства лица (видения, слышания) из континуума перцептивного мышления определяется в зависимости от качества фусаш 'нейронов' (кызга 'зеркальных и / или мукъама 'аудитивных'), осуществляющих интенцию в виде моторики страт.

Интенциональность аффективных лиц, онтогенетически указательная (дейктичная), с различных сторон обнаруживающая *хоалу саг* 'субъекта восприятия', в эргативных языках заключается в направленности интенции, например, лица Созерцающего на лицо Говорящее, маркируя его визуальным дейктиком, и в направленности лица Слышащего на лицо Произносящее, маркируя его аудитивным дейктиком, в дистинкции собственного *со 'эго'*.

Дейктик как важное свойство интенциональности лица Созерцающего есть «онтогенетическая» указка на реальный объект действительности: на «говорение лица», а также на antecedентность «лица говорящего». Дейктик участвует в процессе интенциональности лица Созерцающего, известного в номинативных языках в качестве Наблюдателя, и порождает в эргативной (нахской) речемыслительной деятельности инвариантное понятие априорности «лица говорящего», запуская механизм генерации понятийной категории «постулированности».

Интенция аффективных лиц динамична. Запуск акциональности интенции осуществляется в процессе каузативного воздействия лица Произносящего, являющегося основным каузатором в эргативных языках, вызывающим к жизни различные свойства и качества лица речедеятеля:

1) *Сона (AFF) сайна гу* 'Я сам вижу' (т.е. обладаю способностью сам видеть);

2) *Аз (ERG) сайна (AFF) гоит* 'Я даю себе видеть' (т.е. обеспечиваю возможность видеть);

3) *Сона (AFF) сайна (AFFri) хоз* 'Я сам слышу' (т.е. я сам обладаю способностью слышать).

4) *Аз (ERG) айса сайна (AFF) хозийт* 'Я сам даю себе слышать' (например, сосредоточив внимание).

Каузация лицом Произносящим, за которым на глубинном уровне стоит антропоцентрик *саххета саг* 'человек-дух', различных функций лица: речевых и аффективных, указывает на генерацию в эргативных языках расслоено представленного субъекта. Категория субъект возникает в нахском языке только на основе запуска механизма гетерогенных сущностных функций лица, отражающих антропоцентриков, как понятийных категорий. Сколько антропоцентриков в понятийном мышлении носителя эргативного языка, столько и лиц-субъектов, представленных ядерными падежами имени.

Референциальное совмещение функции лица Слышащего с функцией лица Созерцающего заключается в том, что Слышащий, распознает «лицо Произносящее» (*Аз (ERG) оал* 'Я произношу'), равно, как наблюдатель лицо Созерцающее распознает лицо Говорящее (*Со (NOM) лув* 'Я говорю'). Все четыре функции лица совмещаются в акте коммуникации, обнаруживая различных антропоцентриков на глубинном уровне.

Созерцатель с онтогенетической точки зрения представляет одну из функций антропоцентрика (*хIама*) *хоалуча сага* 'homo sentiens', т.е. человека чувственно-воспринимающего, в конвенциональную «установку» которого входит также и функция «слышания» лицом Говорящим прежде всего самого себя. Под установкой мы понимаем систему маркированных речевым сознанием как данных априори качеств и свойств лица (в данном случае – аффективных: «видения» и «слышания»), присущих одушевленному денотату, осознающему их в акте познания собственного *со 'эго'* как априорную базу. Запуск механизма онтогенетических свойств лица бессознателен, но связан с запуском механизма каузатора лица Произносящего одной из основных функций которого является вызывание к жизни постулированных качеств и свойств [13].

В момент произнесения первичного, или прототипического слова (*Со 'Я'*), т.е. личного местоимения в дистинкции собственного *со 'эго'* обозначается интенциональная сущность аффективных лиц (Слышащего и Созерцающего).

Лицо Слышащее, валентное лицу Произносящему, индифферентно лицу Говорящему. Лицо Созерцающее, индифферентное лицу Произносящему, интенционально «наблюдает» «зеркалами из мозга» объект реальной действительности «лицо говорящее», дискретно направляя на него свою интенцию, т.е. указывая на него, генерируя визуальный дейктик. Другой релевантной информации при данном акте познания собственного «я» нет. Сам факт произнесения, т.е. акустическое наполнение свойства «говорение» в дистинкции собственного *со 'эго'*, которое осуществляется в момент произнесения личного

местоимения первого лица ед. числа, генерирует интенционал языкового знака (личного местоимения первого лица единственного числа в эргативной форме имени). Механизм категоризации релевантных свойств лица таков, что прототипическое изречение слова-предложения (*Со 'Я'*), обозначающего «лицо говорящее», откладывается в сознании речедеятеля как часть интенции (содержания понятия), пропозитивная часть которой запечатлевается в качестве категориального значения личного местоимения первого лица в номинативной форме имени.

Если пропозитивная часть, как финаль функции аффективного лица, запечатлевается в языковом знаке как его значение, то возникает вопрос: куда же девается мыслительная персуазивная часть? В эргативных и номинативных языках, в частности, в русском она остается за кадром пропозитивной информации. Позиция «за кадром», введенная Е.В. Падучевой [6, с. 59] свойственна как номинативным, так эргативным языкам. Позиция за кадром в нахском языке связана с глаголом тем, что аффективное лицо закодировано в семантической структуре аффективных, модальных глаголов. Мыслительная часть, осуществляемая в континууме мышления индивида, на языковом уровне может не экспонироваться: оставаться за кадром пропозитивной части гипотаксиса. Сравните две конструкции:

5) *Со (NOM) лув 'Я артикулирую'* (т.е. обладаю способностью говорить) и

6) *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув 'Я вижу, что я артикулирую'* (т.е. я могу наблюдать, что я обладаю способностью говорить).

За кадром пятого высказывания остается функция лица Созерцающего, экспонированная в рамочной части шестого примера. Данную ситуацию можно сравнить с ситуацией, которую описал в своем примере («На дороге показался всадник») Ю.Д. Апресян в рамках интерпретации наблюдателя в номинативном языке [2]. Разница между наблюдателем номинативного языка и лицом Созерцающим эргативного ингушского языка заключается в том, что аффективный субъект, исполняющий мыслительную функцию (интенциональность) распознавания речевого лица в эргативных языках способен выступать в качестве субъекта в позиции подлежащего (примеры 1, 3, 6). При снятой модальности (пример 5) актант в аффективном падеже может оставаться за кадром, обретая статус значимого отсутствия: в интравертной области мышления как интенция он сохраняется, всегда подразумевается.

Онтогенетическое свойство «видение», категоризованное в грамматическое лицо Созерцающего, в нахских языках, «видит» при произнесении личного местоимения «я 'со'» только одно лицо: говорящее, что и откладывается в лексическом значении местоимения первого лица единственного числа в номинативных языках, в то время как лицо Созерцающее в эргативном ингушском языке (а также в чеченском и бацбийском) в прагматической ситуации произнесения личного местоимения первого лица (*со 'я'*) «видит», или распознает эгоцентрика лицо Говорящее [12], за которым выстраивается ряд лиц, зависящих от антропоцентриков (трех понятийных категорий). Оба лица: наблюдающее и речащее катего-

рированы на основе двух релевантных функций (речевой и аффективной) лица речедеятеля. Лицо Созерцающее дискретно лицезрит в данной ситуации функцию интенционально наблюдаемого Говорящего лица, а лицо Слышащее «ощущает, чувствует» функцию интенционально слышимого лица Произносящего. Второй эгоцентрик, т.е. лицо Произносящее, отличается от первого имманентностью, ненаблюдаемостью, но аудитивной восприимчивостью. Оба лица (говорящее и произносящее) когнитивно маркируются как постулированные, в силу того, что их функция **обнаруживаются** интравертными, или «закадровыми» аффективными лицами (Созерцающим и Слышащим), которые могут быть представлены нулем при снятой модальности.

Таким образом: в эргативных нахских языках, в отличие от номинативных языков, функционируют эгоцентрические речевые лица парадигмы, категоризованные на основе запуска механизма аффективных лиц, генерированных на основе онтогенетической функции лица, в нашем случае — на основе созерцания и слышания.

Аффективные лица категоризируются в рамках такого релевантного процесса как интенция, переходящая в интенциональность. **Интенция** (инг. *лостам*) — это направленность сознания извне вовне (например, онтогенетического аффективного свойства: инг. *гар 'видения'* и / или *хазар 'слышания'*), связанная с понятием дейксиса и характеризующаяся иллокуцией (нацеленностью) на дискретно выхваченный объект реальной действительности.

Запуск механизма интенции процессуален: в целом он состоит из генетически обусловленных: направленности, иллокуции и дейктика, образующие интенциональность, в рамках которой обнаруживается динамика векторно различной персуазивной и пропозитивной информации.

Анализ функции аффективного лица в направлении от текста к смыслу вскрывает за личным местоимением первого лица единственного числа в аффективной форме имени эгоцентрика лицо Созерцающее (и / или лицо Слышащее). Следует иметь в виду, что среди личных местоимений в эргативной форме имени нахских языков (инг. *аз 'я', ла 'ты', цо 'он';* чеч. *ас 'я', ахь 'ты', цо 'он';* бацб. *ас 'я', лахь 'ты', окхус, или о 'он'*) выделяется личное местоимение первого лица единственного числа, лексическим значением которого является лицо Произносящее, вскрываемое функцией лица Слышащего. Личное местоимение первого лица единственного числа в номинативной форме имени как языковой знак (инг., чеч., бацб. *со 'я'*) имеет лексическим значением лицо Говорящее, обнаруживающееся лицом Созерцающим.

В эргативном нахском языке личное местоимение первого лица в номинативной форме имени валентно клитикам-родовым показателям, благодаря его визуальной охарактеризованности (**со в а 'я мужчина в пространстве'**, при невозможности: **аз в а !!!**). Личное местоимение единственного числа в эргативной форме имени (инг. *аз 'я'*) индифферентно категории рода, в силу аудитивной охарактеризованности лица Произносящего, прототипически обнаруживающегося-

ся в момент акустического наполнения речения (артикуляции) [14].

Интенциональность аффективных лиц потому имеет место быть, что существует объективное, наличное, имеющееся в поле собственного зрения, или слышания лицо, сущностные свойства которого (*гар* 'созерцание', *хазар* 'слышание') способны интенционально картировать или аудировать, а затем и

интериоризировать дискретно осваиваемую объективную информацию. Попадающий в поле собственного зрения носитель лица говорящего, произнесший слово-предложение: «*Со* 'Я'», обозначается в пространственно-временной действительности, как лицо, способное мыслить через озвученное (т.е. произнесенное) речедеяние (инг. *Со лув, хьавта со кхет* 'Я говорю, значит, я мыслю).

Литература:

1. Алексеев М.Е. Проблема аффективной конструкции предложения. – Автореф. дис. ... канд. филол. – М., 1975.
2. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Семиотика и информатика. Вып. 28. – М.: ВИНТИ, 1986. – С. 5-33.
3. Дирр А.М. Глагол в кавказских языках. Эргативная конструкция предложения / под редакцией Н.А. Кондрашова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – С. 17-33.
4. Заюкова Е.В. Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации (на материале английского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул. 2005. – 193 с.
5. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-369.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
7. Тариева Л.У. Модальная функция и синтактика лица Созерцающего // *Scientific light*. VOL. 1, №4, 2017, Wroslaw, Poland. – С. 64-67.
8. Тариева Л.У. Лица парадигмы с глубинной и поверхностной точек зрения / XXXII Международная научная конференция // Эффективные исследования современности. Москва, ЕНО. № 10 (32), 2017, – С. 136-146.
9. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань: ООО «КЕП». 2017. – 376 с.
10. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). № 8. Том 3. – М.: Наука, 2014. – С. 197-202.
11. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышающего // *Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования*. № 4 (52). – Астрахань, 2014. – С. 24-27.
12. Тариева Л.У. Локутор лица Говорящее // *Lingua-universum*. – Назрань: «Пилигрим», 2018. № 2 март-апрель. – С. 9-13.
13. Тариева Л.У. Одна из основных функций лица Произносящего в нахском языке // *Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический журнал*. – Орел. №4 (45), 2015. – С. 409-414.
14. Тариева Л.У. Вербальная презентация прототипического гендерного признака в нахском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. – С. 395-399.
15. Услар П.К. Характеристические особенности кавказских языков // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Выпуск IX. – Тифлис, 1876. – С. 1-20.